

*ЕРШОВ Михаил Федорович (Россия, Ханты-Мансийск)
— кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Обско-угорского института прикладных исследований и разработок,
заведующий научно-исследовательским отделом
истории, археологии и этнологии*

КАК НАБЛЮДАТЬ ЗА СТАЛИНЫМ? ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ И КОНЦЕПЦИЯ Ю. Г. СЛЕПУХИНА

Любой диктатор, поскольку его власть основывается по преимуществу на открытом или отчасти завуалированном насилии, неизбежно будит в своих сподвижниках биологические инстинкты. В окружении приближенных он выступает как альфа-самец, не терпящий противодействия своим поступкам. Отсюда проистекает ненависть диктатора к близким ему субъектам. Ведь каждый из них способен претендовать на место лидера. Противодействие потенциальным конкурентам в биологической и уголовной среде выражается в запретах пристально смотреть на вожака. Прямой взгляд в стае хищников — это всегда вызов.

Нечто подобное присутствует и в человеческом социуме. Верхи всегда претендуют на закрытость информации, которой они располагают. В первую очередь к такой информации относятся сведения о носителе неограниченных властных полномочий. И напротив, при действительности демократических институтов закрытость власти сводится к минимуму. Анализ поступков диктатора, их детальное, пристальное критическое рассмотрение, свежий взгляд есть прямая угроза потери лидером господствующего статуса. «Болтали много. Знали слишком много, — и болтали слишком много. А это на руку врагам...» — так ответил Сталин на вопрос дочери о причинах репрессий против родственников¹.

Данное обстоятельство порождает для исследователей дикторских режимов множество познавательных проблем. Как реконструировать изменчивую логику поступков тирана, если он при своей жизни этого категорически не желал? Как выйти за пределы

¹ Аллилуева С. Двадцать писем к другу. М., 1990. С. 183.

той куцей «сакральной» информации, которая была предназначена для профанов? По нашему мнению, один из действенных вариантов реконструкции внутреннего мира И. В. Сталина был предложен Ю. Г. Слепухиным в повести «Пантократор». Это сравнительно небольшое по объему произведение посвящено одному вечеру из жизни вождя. После знаменитого Парада Победы 1945 г. глава государства возвращается на дачу и думает о прожитой жизни. Его внутренний разоблачительный монолог оказывается для автора повести художественным способом осмысления истории России в XX в. Создавалась повесть достаточно долго, полтора десятка лет, с 1974 по 1989 гг. Естественно, что Ю. Г. Слепухин тогда не располагал доступом к закрытым в нашей стране историческим архивам. На помощь писателю пришли жизненный опыт, способность широких обобщений, психологическая интуиция, свойственная всем крупным мыслителям. Какие значимые вопросы поставил Ю. Г. Слепухин относительно политики Сталина?

Отношение к Ленину и марксизму.

Роль в Великой Отечественной войне.

Причины репрессий и отношение к людям.

Использование страха и отношение к вере.

Начнем с первого вопроса. Насколько расхотелись в своих взглядах оба вождя? Насколько Сталин был «Ленин сегодня»? Старая идея Троцкого о Сталине как предателе революции и фактическом организаторе термидорианского переворота² пыльным цветом расцвела в массовом сознании в годы Перестройки. «Хороший» Ленин тогда противопоставлялся «плохому» Сталину. Ю. Г. Слепухину подобное надуманное построение малоинтересно. Для него различия между двумя большевистскими лидерами лежат в иной плоскости. Писатель исследует, как объективно должно было мутировать отношение к марксизму в рядах правящей партии. И он дает верный ответ: вслед за разочарованием, неизбежен отказ от марксизма.

Ю. Г. Слепухин, реконструируя логику внутренних монологов Сталина, приходит к парадоксальному утверждению. Он считает, «что начиная примерно с двадцать восьмого года вся его внутренняя

² См.: Троцкий Л. Перманентная революция. М., 2005. С. 208–209.

политика была абсолютно последовательна и подчинялась железной логике определенного замысла. Того, что он привык называть своим Великим Планом. Все, что он делал начиная с конца двадцатых годов, он делал обдуманно, сознательно, с одной-единственной целью: навсегда дискредитировать идею государства, построенного на основе марксистско-ленинской политической философии»³. Писатель здесь не оригинален. В выводах его Сталина ощутимы элементы позднейших заимствований. Заметим, что подобная логика легко трансформирует антимарксизм Слепухина в антимарксизм Сталина. Получается, что оба они: и писатель, и вождь — объективно выступают как союзники.

Но ведь очевидно, что нет ничего принципиально общего между писателем-гуманистом и преступным тираном! Эта схема внешне чисто умозрительная и на личностном уровне не соответствует историческим реалиям. При данном подходе Пол Пот, Ким Ир Сен и множество других марксистских диктаторов только и делали что сознательно, научно и последовательно боролись с марксизмом! Зачем? Только для разоблачения того учения, благодаря которому они получили неограниченную власть? Да, Сталин мог любить Ленина или, наоборот, ненавидеть. Но объективно он был продолжателем его дела. Более того, существует немало свидетельств о подготовке и начале проведения диктатором после XIX партсъезда новой волны репрессий против любой потенциальной оппозиции, в том числе и в высшем руководстве социалистических стран. Процесс уничтожения очередной внутренней «пятой колонны» шел параллельно с максимальной милитаризацией всего социалистического лагеря⁴. Что должно было случиться далее? Нетрудно предсказать. Завершив подготовительный этап, вождь уже мог вплотную заняться «окончательным решением» международных проблем. И в 30-х, и на рубеже 40-50-х гг. в своих действиях Сталин был максимально последователен. Он понимал — и этому тоже есть свидетельства! — что срок его жизни истекает, что в условиях длительного стабильного мирного

³ Слепухин Ю. Г. Джоанна Аларика; Государева крестница; Пантократор; Частный случай; Не подводя итогов: избранное. СПб., 2011. С. 641.

⁴ См.: Пихоя Р. Г. Под знаком Сталина. М., 2009. С. 182–183.

существования страны Запада будут развиваться много быстрее, чем насильно подчиненный ему социалистический лагерь.

Сталин был не большим и не меньшим (анти)марксистом, чем его предшественник Ленин. И у того и у другого доминировали как ригидность, так и жесткая ориентация на радикальный эксперимент: быстрое силовое разрешение острых социальных противоречий. А любой эксперимент, особенно такой, который длится десятилетиями, подчиняет себе исследователя, становится его господином. Марксистский эксперимент в России действительно требовал собственного завершения, причем не обязательно положительного. И здесь Сталин боялся не успеть, оказаться неудачным экспериментатором, поэтому советский вождь и постоянно торопил подчиненных, гнал их, не жалея безжалостно расходуемого им человеческого материала. Он был практиком войны и мастером закручивания гаек, проверяя новое учение на прочность.

Многие теоретики считают, что в России в 1917 г. фактически произошла «революция минус марксизм», автоматически означала периодическое усиление террора. Это была одна из необходимых опор большевистского режима и большевистского социального эксперимента. Но именно насилие и не могло устраивать количественно растущую советскую бюрократию, склонную к прагматизму, мешало становлению ее неограниченной власти. Со временем следовало отказаться от насилия и его идеологического обоснования. Что пошагово и происходило в нашей стране, как формально, так и неформально. Так, постепенно, уже после Сталина и Хрущева в недрах управленческого аппарата КПСС начали складываться не афишируемые для рядовых профанов либеральное и традиционалистское направления. Первое из них делало ставку на ценности Запада, второе на традиции отечественной государственности.

Характерно, что представители обоих направлений оказались разочарованы в русском варианте марксизма — ленинизме — и мечтали от него избавиться. В конечном итоге, разные политики в той или иной мере оказались настроены на отказ от следования догмам марксизма. Данное номенклатурное разочарование привело к сравнительно легкому отстранению от власти КПСС в 1991 г., а затем и к

крушению государства и циничному переделу собственности. «Мы поселились в твоём социализме. Мы поделили страну, созданную тобой. Мы заработали миллионы на заводах, построенных твоими рабами и твоими учеными. Мы обанкротили возведенные тобой предприятия, и увели полученные деньги за кордон, где построили себе дворцы. Тысячи настоящих дворцов. У тебя никогда не было такой дачи, оспяной урод» — так с горечью озвучивает мысли нынешних аморальных «хозяев жизни» известный писатель З. Прилепин⁵.

Наверное, все-таки, Сталин внутренне преследовал иные цели, чем те, что предложены в «Пантократоре». Хотя нельзя полностью сбрасывать со счетов и моменты его разочарования в своих безвольных сподвижниках и пути к избранной цели. Любой вождь должен, хотя бы для себя, максимально остро продумывать варианты разрешения тех или иных общественных проблем. И, наверное, Сталин мыслил, хотя и последовательно, но, вне всякого сомнения, достаточно схематично.

Автор повести смог творчески реконструировать одну из таких возможных сталинских схем, доведя ее до логического абсурда и диалектического отрицания марксизма как такового. Ю. Г. Слепухин, допустив маловероятную возможность последовательной измены марксизму конкретного лица — Сталина, оказался прав не столько в частности, сколько на уровне широких исторических обобщений. Писатель предложил интересную историософскую концепцию советского прошлого. Он, волею своего таланта, перенес проблемы общественного сознания 60-80 гг. на размышления престарелого вождя после окончания Великой Отечественной войны.

Сталин мог действительно так думать, мог думать и совершенно иначе, но историческая практика, вне зависимости от желаний или нежеланий советских вождей, покончила с затянувшейся социальной утопией. Однако сложные социальные процессы — это не исключительный произвол великих личностей или бездумное, строго материалистическое броуновское движение. Чтобы люди поднялись и начали действовать вопреки обстоятельствам, необходимо обще-

⁵ Прилепин З. Письмо товарищу Сталину // [Электронный ресурс]. Свободная пресса. 2012. 30 июля. Режим доступа: <http://svpressa.ru/society/article/57411/> (дата обращения 01.10.2014)

ственное осознание существующих проблем. Необходимы усилия философа, писателя, историка. Необходим труд таких людей, как Юрий Григорьевич Слепухин, который в своей повести выступил сразу в нескольких ипостасях. Он убедительно смог предсказать и художественно обосновать причины крушения режима, созданного Сталиным.

Одним из болевых мест нашего исторического сознания до сих пор является память о Великой Отечественной войне. Максимальное количество споров концентрируется на объяснении причин наших неудач в начале войны. Готовил ли Сталин наступательную войну или, боясь Гитлера, стремился любыми способами оттянуть решающее военное столкновение? Мнения расходятся. Заметим, что у сторонников этих противоположных точек зрения на сегодняшний день наблюдается дефицит аргументов в их затянувшихся спорах. Кроме того, они, попросту, не слышат и не желают слышать друг друга. По нашему мнению, Ю. Г. Слепухин, не будучи ангажированным лицом или зашоренным в вопросах военной истории профессионалом, смог предложить достаточно интересное решение данной проблемы.

Видимо, действительно Сталин хотел, но, по ряду причин, в том числе социально-психологических, не мог сходу начать наступательную войну «малой кровью» на вражеской территории. Легкой победоносной сталинской войне мешала чудовищная разница в уровне жизни между Германией и СССР. И в более поздние времена попадание советского человека в зарубежную Европу вызывало у соотечественника немалое цивилизационное потрясение. Так, в подростковом возрасте автор этих строк был шокирован репликой одного из фронтовиков: «зря мы поляков освобождали, они при Гитлере жили лучше, чем мы при Сталине». Следующая очередь этого шока наступила во время службы в Группе советских войск в Германии... Что уж говорить о миллионах обездоленных людей, переживших ужасы коллективизации?

С большой временной задержкой, и только отчасти данная идея писателя начинает быть востребованной в отечественной историографии. Яркий пример подтверждения этому — выход в свет монографии М. Солонина с нарочито провокационным для читателя

названием «22 июня, или Когда началась Великая Отечественная война»⁶. На основе многочисленных, в том числе статистических материалов, автор приходит к удивительному выводу: первоначально у большинства советских людей не было интереса воевать на недавно оккупированных территориях за интересы Сталина. Понимание, что война идет не между Гитлером и Сталиным, а между советским народом и безжалостными захватчиками, пришло позднее. Именно тогда война и стала подлинно Отечественной. Но и после этого массового осознания, все равно присутствовали элементы и другой, почти неизвестной нам войны — гражданской. Слишком велико было количество людей, ненавидящих режим Сталина и не простивших ему совершенных против них преступлений.

Кроме того, Ю. Г. Слепухин в «Пантократоре» убедительно показывает, что именно такая, максимально тяжелая для советского народа война объективно была выгодна Сталину, и от этого факта вдумчивым исследователям никуда не уйти. Тогда становится понятной одна из причин целенаправленного уничтожения высшего командного состава Красной Армии, ориентированного на короткую победоносную кампанию. Сюда же относятся и жестокие методы ведения Сталиным войны. Беречь собственных или, тем более, чужих граждан в планы Верховного Главнокомандующего явно не входило⁷. Писатель акцентирует наше внимание на пропагандистском привлечении Сталиным к участию в боевых действиях советских женщин: ведь «если враг пытается и вешает женщин, девушек, — этого не простит ни один мужчина»⁸.

Данный вывод оправдан. Так, М. Джилас свидетельствует о циничном отношении диктатора к людям вообще и к женщинам в особенности⁹. Сталинский консерватизм здесь сочетался с вынужденной показной необходимостью терпеть возле себя новых раскре-

⁶ См.: Солонин М. 22 июня, или Когда началась Великая Отечественная война. М., 2006.

⁷ См.: Гофман И. Сталинская война на уничтожение: планирование, осуществление, док. М., 2006.

⁸ Слепухин Ю. Г. Указ. соч. С. 611.

⁹ См.: Джилас М. Беседы со Сталиным. М., 2002. С. 127–128.

пощенных, но по-прежнему эмоционально восприимчивых женщин. «“Вот, вот!” — указал он на длину моего платья — оно было выше колен, как и полагалось в моем возрасте. “Черт знает что! — сердился отец, — а это что такое?” Мои детские трусики тоже его разозлили. “Безобразие! Физкультурницы! — раздражался он все больше, — ходят все голые!”» — вспоминала его дочь¹⁰. Мемуары С. Аллилуевой легко соотносятся с сюжетом из «Пантократора»: «Революция не пошла женщинам на пользу — самостоятельными стали, а ума не прибавилось. Ему еще до войны опротивели эти трактористки-парашютистки, эти ошалевшие курицы, сущим было наказанием — улыбаться им, пожимать их потные трясущиеся руки на всяких слетах и съездах»¹¹.

Однако, чтобы втайне спланировать, а затем последовательно исполнить жизненно необходимое для диктатора первоначальное поражение своих войск, одних репрессий против полководцев было явно недостаточно. Нужна была психологическая решимость осуществить гигантский комплекс мероприятий. Поэтому еще одним несомненным положительным моментом в «Пантократоре» является то, что Ю. Г. Слепухин смог обосновать те черты в характере руководителя государства, которые у Сталина «работали» на принятие данного решения и его реализацию. Вождь не был патологически жестоким человеком, он был прагматиком и экспериментатором. Но социальный эксперимент в гигантских масштабах непредсказуем всегда. Его риски невозможно просчитать заранее.

Здесь требовался человек определенного склада. Это должен был быть индивид с большим самомнением, аналитик и, одновременно, увлекающийся авантюрный игрок. Такому историческому деятелю всегда присуща постоянная готовность к риску и повышению ставок, пренебрежение к окружающим и их жизням. «“Удивительно, с какими глупыми людьми приходилось иметь дело, просто удивительно. И — противно. Глупость партнеров лишала игру вкуса, обесценивала выигрыш”», — так оценивает в повести слепахинский Сталин представителей Великобритании и Франции, ведущих в

¹⁰ Аллилуева С. Указ. соч. С. 146.

¹¹ Слепухин Ю. Г. Указ. соч. С. 611.

1939 г. заранее запланированные на неудачу переговоры о заключении военного союза с СССР¹².

Писатель детально моделирует размеры сталинского чувства собственного превосходства над окружающими и, опять-таки, последовательно доводит созданный им образ до максимальных значений. У этого Сталина образца 1945 г. из всех человеческих пристрастий остались только мстительность, усталость от людей, глубокое разочарование покорными сподвижниками и, может быть, толика убийственного юмора. Перед мысленным взором диктатора проходят чередой политики, военные, литераторы, художники. Все они полезны, используются вождем, который их унижает и презирает. Профессиональные способности сталинской элиты не только не дополняются подлинными человеческими качествами, но и противостоят им.

Исключений немного. Некоторых явных идейных врагов, таких как Булгаков и Пастернак, диктатор знает и не трогает. «Он, давно уже перестав вообще отличать людей от тараканов, к таким вот людям — настоящим — начал постепенно испытывать какое-то совершенно несвойственное ему чувство бережного уважения. Понятно, это касалось неопасной публики — писателей, ученых»¹³. Сталин задумывается о социальной мутации, пытается понять причины произошедшего. Власть как высшая ценность для него базируется на двух основаниях. Первое из них — страх, второе — лишение подлинной веры. Пассивное, но непредсказуемое для власти большинство обобранного населения потенциально опасно.

«Следовательно, — <рассуждает диктатор>, — политика выборочного террора есть глупая, непоследовательная политика. Секрет абсолютной власти в том, чтобы от парализующего действия страха не был свободен никто. Чтобы боялись все без исключения — не только самые законопослушные, но и самые верные, преданные этой власти до последнего дыхания»¹⁴. Что произойдет, если страх исчезнет? Восстание. Как его предотвратить? Лишить людей веры.

¹² Там же. С. 601.

¹³ Там же. С. 639.

¹⁴ Там же. С. 618.

«“Ведь абсолютная, бесконтрольная власть возможна лишь над теми, кто лишен веры; религия всегда была убежищем, отдушиной для угнетенных, в самом бесчеловечном рабовладельческом обществе — римском — христианская вера давала рабам ощущение несокрушимой, запредельной свободы. И силу тоже давала. Человека по-настоящему верующего, духовно не сломить ничем, его можно лишь уничтожить физически; абсолютная же власть нуждается в тех, кто сломлен духовно”»¹⁵.

Антигуманизм Сталина приобретает под пером Ю. Г. Слепухина вселенские масштабы. Это «голая» власть, рационально очищенная от всего наносного, случайного. По сути Сталин в подчиненной ему империи уже ведет бесцельное и безрадостное существование. Вообще-то вождь не знает, что ему строить, кому мстить и с кем бороться. Ведь строить можно только для кого-то, а бороться допустимо лишь с равными. А их нет. Теперь, после победы над Гитлером, он абсолютный властитель, каких ранее не было в истории — Пантократор. Он встал на место Бога, невиданно возвысившись над людьми и обрета одиночество.

Ю. Г. Слепухин, как выдающийся художник слова, отказывает советскому властителю в подлинной способности к созиданию. У Хозяина СССР иное амплуа. Сталин — разрушитель. Он одержимо, предательски мечтает о ликвидации заложенного его предшественниками и достроенного им ненормального мира. Так некогда в «Собачьем сердце» разочарованный профессор Преображенский вернул искусственному Шарикову его собачий облик. Людские судьбы в обществе, которое последовательно ведется к будущему разрушению, вождя не интересуют. «После нас хоть потоп!» — sacramентальная фраза одного из последних французских королей в гипотетическом сталинском внутреннем мире переходит от вероятности к планомерной конкретике. Собственная смерть в планах диктатора будет началом конца советской государственности.

Какова степень реализма в воссоздании портрета Сталина? В повести не всегда возможно последовательно отделить речь главного персонажа от мыслей самого автора. Иносказательный язык произ-

¹⁵ Там же. С. 621.

ведения претендует на нечто большее, чем фотографически безукоризненный слепок с прошлого. По сути «Пантократор» — это почти библейская притча, повествующая о тщеславии и грехопадении. Отечественная художественная литература, — и в этом её достоинство! — всегда стремилась дойти до предельных оснований человеческого бытия. Книга Ю. Г. Слепухина есть тонкое чувствование писателем современной ему эпохи, раздумья о судьбах нашего Отечества и предсказание его дальнейшей исторической эволюции.

Аннотация: В статье проанализированы основные темы внутреннего монолога И. В. Сталина в повести Ю. Г. Слепухина «Пантократор» (1974–1989) и рассмотрено соотношение историософской концепции писателя с историческими реалиями.

Summary: The main themes of an inner monologue by I. V. Stalin in Yu. G. Slepukhin's story 'The Pantocrator' (1974–1989) are analyzed in this article. The writer's historical-philosophical conception is examined as it relates to historical reality.

Ключевые слова: Ю. Г. Слепухин, повесть «Пантократор», И. В. Сталин, внутренний монолог, историософская концепция, исторические реалии.

Keywords: Yu. G. Slepukhin, 'The Pantocrator' story, I. V. Stalin, inner monologue, historical-philosophical conception, historical reality.

